

ГЛАВА 1

Иногда, проснувшись, мы горько сожалеем об этом. Потому что реальность оказывается хуже и страшнее самого кошмарного сновидения. Нам не хочется в явь, мы бы все отдали за возможность опять забыться и очнуться в каком-нибудь другом месте.

Вадим Петрович Туманов открыл глаза, поморгал и снова закрыл. Было невыносимо видеть шконку над собой, слышать многоголосый храп, вдыхать вонь, ощущать духоту и тесноту тюремной камеры.

СИЗО. Двухсложная аббревиатура, не просто меняющая твою судьбу, а ломающая ее к такой-то матери. Ты стремился к чему-то, строил планы, выверял, прикидывал и вдруг — бац! — со всего маху да об стену. Об эту самую, обшарпанную, толстенную, отсыревшую от многолетних испарений. Исписанную, оплеванную, оклеенную фотографиями глупых лоснящихся девок.

Туманов поморщился от внутренней боли, разрывающей душу.

СИЗО. Следственный изолятор. В какой-то другой стране, возможно, это еще и не тупик, не конец всему, не прижизненный коллективный склеп. Но не здесь, не здесь...

Туманов еще долго лежал неподвижно, безуспешно пытаясь уснуть. Ничего не получалось. Мозг не желал отключаться. Мысли металась в черепной коробке, подобно зверькам, охваченным паникой и ищущим спасения. Память подбрасывала картинки, от которых хотелось плакать, биться головой о стену или молиться о спасении.

Ничего этого Туманов делать не стал. Слезами сокамерников не удивишь и не разжалобишь. Череп сам себе не раскроишь. Молиться в тюрьме некому — боги не снисходят до человеческой клоаки. Здесь каждый сам за себя.

Значит, нужно бороться. Значит, *будем* бороться.

Решив так в десятый, сотый или тысячный раз, Туманов сходил в отгороженную фанерой клетушку, которую здесь называли «парашей». В свои пятьдесят с лишним он очень страдал от невозможности уединиться тогда и на столько, на сколько нужно. Питание в СИЗО было, мягко говоря, отвратительным, а две передачи, полученные с воли, у Туманова попросту отобрали под предлогом сдачи харчей в общий котел. На столе, именуемом здесь «дубком», ни колбаса, ни консервы, ни печенье не появились. Вернее, выкладывались деликатесы только тогда, когда места занимала местная «элита». Воров, как они себя величали, было в «хате» четверо. Еще двое находились у них на побегушках, то есть «шестерили». Остальные относились к разряду мужиков. Вместе с Тумановым таковых насчитывалось одиннадцать, однако это численное превосходство ровным счетом ничего не значило. Все они были разобщены, растерянны, запуганы и безропотно подчинялись неписаным правилам здешнего общежития.

Услышав приближающиеся шаги, Туманов принялся приводить себя в порядок. И очень вовремя. К параше наведалься подручный пахана, Барбарис. Зевая во весь свой редкозубый рот, он дождался, пока место освободится, пристроился там и окликнул через плечо собравшегося уходить Туманова.

— Стой, профессор. Разговор есть.

Профессором Туманов не был. Он вообще не имел никакого отношения к науке. Он был дантистом. Пять лет назад удалось открыть собственный кабинет, который на клинику пока не тянул, но все же мало-помалу начал приносить прибыль. Теперь, правда, пошли сплошные убытки. Аренду никто не отменял, так что каждый день, проведенный в неволе, обходился недешево.

Рассеянно думая об этом, Туманов послушно стоял на месте и слушал журчание за своей спиной. Потом оно стихло, и Барбарис толкнул его в плечо:

— Давай ко мне.

Туманов направился в угол возле окошка под потолком. Свободный доступ к солнечному свету и свежему воздуху имели в камере не все. Нары возле окна занимали воры. Один из них целыми днями что-то переправлял и получал из других камер с помощью сложной системы протянутых ниток и бечевки. Туманов, наблюдая за этими манипуляциями со стороны, только диву давался. Примерно каждый час вожак, морща лоб, прочитывал очередное послание и, продолжая морщиться от напряжения, царапал ответ на обороте. Создавалось впечатление, что у него и его стаи идет какая-то сложная, насыщенная жизнь, полная событий, требующих немедленного реагирования. Выглядело это смешно, хотя Туманов, разумеется, виду не подавал.

Но вот сейчас ему стало не до смеха.

Пахан не спал. Сидел на своей шконке, превращенной в некое подобие шатра с помощью развешанных простыней. На его худых ногах красовались вполне домашние тапочки, торс обтягивали спортивные трусы и черная майка, поверх которой свисал простенький православный крестик.

Звали его Князь. Он имел обыкновение щурить свои близко посаженные глазки, отчего становился похожим на азиата. Голова и лицо у него были почти идеально круглые, с туго натянутыми подушечками щек, хотя сам Князь был поджар, жилист и довольно мускулист. Облик завершали редкие волосики, утиный нос и неожиданно срезанный подбородок под расплзшимися на все лицо губами.

Дождавшись, пока Туманов приблизится, Князь указал пальцем место, где следовало остановиться. Барбарис опустился на койку рядом с ним и забросил ногу за ногу. Лежавший наверху вор поднял голову и сонно уставился на Туманова заплывшими глазами.

Большинство арестантов досматривали сладкие утренние сны, которых до подъема еще можно было увидеть немало. Воры, как правило, вообще дрыхли допоздна, игнорируя окрики вертухаев. Было непонятно, почему сегодня они изменили своей привычке. Сказать, что Туманов чувствовал себя неуютно, значит, ничего не сказать. От тревоги перехватывало дыхание и сводило мышцы. Одна нога Туманова была охвачена противной мелкой дрожью, из-за чего ее пришлось отставить в сторону.

Состояние пожилого человека не осталось незамеченным.

— Чего зассал? — беззлобно спросил Барбарис. — Или вину за собой чуешь?

— Ничего я не чувую, — отрезал Туманов.

Он плохо представлял себе, как следует разговаривать и держаться в подобной ситуации. У воров существовало множество способов придраться к жертве и, слово за слово, заставить допустить какую-нибудь оплошность. Затем выносился приговор и следовало наказание. Одному сидельцу, неосторожно ляпнувшему что-то, присудили драить полы две недели подряд. Другой расплатился деньгами. Они еще легко отделались, как понимал Туманов. И теперь он чувствовал себя так, будто стоял на минном поле, где одно неверное движение могло повлечь за собой трагическую развязку.

— Ты здесь хвост не поднимай, шершень, — сказал заплывший. — Втяни поглубже, пока с языком вместе не отрезали.

— Зачахни, Шаман, — прикрикнул Князь снизу. Его глазки ни на мгновение не упускали Туманова из виду. — За что чалишься?

— Ни за что, — ответил Туманов ровным тоном. — По ошибке.

Тут все так говорили, он уже успел это усвоить. Никто не признавался в совершенных преступлениях и тем более не каялся.

— Понятное дело, — ласково согласился Князь. — Только игра в несознанку закончилась.

— Въезжаешь? — вставил Барбарис, нетерпеливо качая ногой.

— Нет, — признался Туманов.

Что такое «несознанка», он понял. Это значило, что он не признает своей вины за совершенное преступление. Но почему вдруг воры озаботились делом Туманова? Какая им разница, как ведется следствие? Чего они вообще хотят?

— Слушай меня, — заговорил Князь негромко, почти дружелюбно. — Жизнь у тебя одна, и какой она будет здесь, — он обвел рукой замкнутое пространство камеры, — зависит от меня: хорошей, плохой или совсем никакой.

— Не будет жизни то есть, — разъяснил заплывший.

— Цыц! — Князь смотрел Туманову в глаза, словно гипнотизируя его, подменяя мысли своими, лишая воли к сопротивлению. — Кончай отпираться, Вадим Петрович. Вызовут на допрос, подмахни протокольчик и живи себе дальше. На зоне будет легче, чем здесь. Там небо видать и дышится легко. Десяточка пролетит, даже оглянуться не успеешь. Читать любишь?

— Что? — растерялся Туманов.

— Любишь, — ответил за него Князь, доброжелательно кивая головой. — Такие, как ты, вечно в книжках роются. Так я черкну маляву, кому надо, тебя библиотекарем поставят. Хочешь?

— Насколько я понимаю, на зону попадают осужденные. — Туманов машинально в последнем слове сделал ударение на «у», как это делают сотрудники правоохранительных органов. — А я не виноват.

— Нам пох, — грубо перебил его Барбарис, нога которого дергалась все быстрее. — Сделаешь, что тебе сказано, и дыши дальше. Не то кислород перекрою, гнида.

Он неожиданно вскочил и схватил Туманова пальцами за горло, больно сдавив кадык. Дышать сразу стало нечем, в глазах потемнело. Туманов слабо махнул рукой, стремясь освободиться, но уголовник уже сидел на прежнем месте, опять забросив ногу на ногу.

— Желаете продолжения? — поинтересовался Князь, почесывая татуированное плечо. — Или договорились?

— Я не виноват, — просипел Туманов, изо всех сил стараясь держаться с достоинством или хотя бы просто прямо.

— Не виновата-ая я-а-а! — гнусаво пропел Шаман с верхней шконки.

Воры засмеялись. Но в их смехе не было веселья. Только издевка и нескрываемая угроза.

В камере зажегся свет, дверь загремела от ударов снаружи, зычный голос объявил подъем и предупредил, что через полчаса начнется проверка.

— Ладно, ступай, — махнул рукой Князь. — Я сказал, ты услышал. Потом не обижайся.

Аккуратно переставляя ноги, которые вдруг отказались повиноваться, как после изрядной доли спиртного, Туманов вернулся на место и принялся заправлять постель. Вокруг него отхаркивались, сморкались, переговаривались, шаркали, выпускали газы, спорили, шутили, рассказывали бессмысленные сны, толкались, двигались, разминались, что-то грызли, чем-то запивали... Он не видел и не слышал ничего. Словно в вакууме оказался. Беда, приключившаяся с ним, дала знать о себе с новой силой и неожиданной остротой. Как будто закончилось действие наркоза, и рана откликнулась на это усилившейся болью. То, что она была душевной, несколько не облегчало страданий несчастного Туманова. Скорее даже наоборот.

ГЛАВА 2

Все рано или поздно приходят к выводу, что этот мир устроен несправедливо. Никто, нигде и никогда не может получить гарантий того, что его налаженная жизнь однажды не полетит под откос, а сам он не останется на пепелище, потеряв разом все, чем дорожил и во что верил.

Именно это произошло с Вадимом Петровичем Тумановым одним недобрый летним вечером, когда он не ожидал от судьбы никакого подвоха.

Сквозь открытую дверь балкона доносился одуряющий аромат то ли сирени, то ли жасмина — Туманов плохо разбирался в цветочных запахах. Он лежал на диване в домашних шортах, неторопливо листал новейший перевод гомеровского «Одиссея», наслаждаясь атласной гладкостью дорогой бумаги и любуясь чудесными иллюстрациями, и вполуха слушал супругу, подробно повествующую о том, как она выбирала сегодня нитки, чтобы начать вязать свитер внуку Данилке.

— Угу, угу, — кивал Туманов. Пиршественный стол, избраженный на картинке, пробудил в нем аппетит. — Аллочка, у нас есть что-нибудь сладенькое?

Именно так он выразился, как бы пошло и по-мещански это ни звучало. Что тут поделаешь, если мужчина дома зовет жену ласковым уменьшительным именем и ему хочется десерта?

— Сначала ответь на мой вопрос, — предложила Алла Туманова.

Годы постепенно иссушали былую красоту этой женщины с большими серыми глазами, тонким прямым носом и гривой

каштановых волос. Распустив их по вечерам и устроившись в дальнем углу, освещенном только настенным бра, Алла выглядела значительно моложе своих сорока пяти. Порой Туманову казалось, что у нее есть любовник, и тогда в его душе просыпалась жгучая юношеская ревность, но наваждение быстро проходило, и он забывал о своих подозрениях, которые, конечно, были совершенно необоснованными.

— А ты разве что-то спросила? — удивился Туманов.

— Спросила, — подтвердила Алла обиженно. — Какое сочетание лучше будет.

— Сочетание... э-э... чего с чем?

— Ниток с нитками, Вадик! Я никак не могу выбрать цвета. Рукавчики полосатые, перед с двумя квадратами, с этим я определилась. Но цвета? Фиолетовый с белым и черным или лучше синий?

— Синий, — уверенно кивнул Туманов.

— Или все же фиолетовый?

— Фиолетовый строже. Мне нравится.

— А синий? — спросила Алла.

— А синий... м-м... — Туманов потер щеку, — веселее.

— Но малышу что больше пойдет?

— Мне кажется, ему в любом свитере будет хорошо.

— Выкрутился, значит? — усмехнулась Алла. — Хитрый, да? Но теперь, когда ты у меня вкусенькое станешь выпрашивать, я тоже...

Она осеклась, прерванная мелодичным звяканьем мобильного: как будто монетку в копилку бросили.

Туманов испытующе посмотрел на супругу:

— Тебе сообщение. Прочитать не хочешь?

Она отрицательно качнула головой — на волосах заиграли красивые блики от люстры.

— Это твой телефон, Вадим.

Проследив за движением ее алого ногтя, Туманов увидел на полу свой мобильник, включенный в розетку. Подняв его и открыв сообщение, Туманов пошевелил бровями.